

производной магнитной индукции. После интегрирования это напряжение подается на вход „2” осциллографа, из-за чего отклонение луча по вертикальной оси пропорционально магнитной индукции B_m в образце.

Таким образом, на экране осциллографа в режиме „XY” [2] появляется зависимость $B_m = f(H_m)$. За один период напряжения питания на экране выписывается полный гистерезисный цикл (рис. 3).

Если известны чувствительность осциллографа на осях „X” и „Y” соответственно C_x и C_y , то по размеру отклонения луча x и y можно вычислить значения H_m и B_m :

$$H_m = \frac{n U_x}{R_1} = \frac{n C_x}{R_1} x ;$$

$$B_m = \frac{R_2 C U_c}{w_2 S_{обр}} = \frac{R_2 C C_y}{w_2 S_{обр}} y .$$

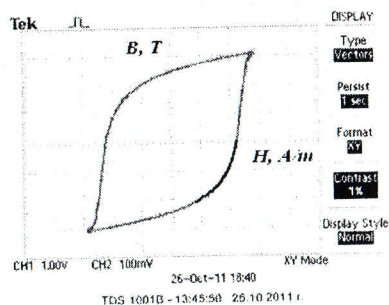


Рис. 3. Гистерезисный цикл Викаллой 52КФ7 – возбуждательный ток 0,4 А; частота 50 Hz

В статье изложены метод проектирования тороидального образца из магнитнотвердого материала Викаллой 52КФ7 и опытная постановка для снятия его магнитных характеристик. Эти характеристики исключительно важны для правильного проектирования гистерезисных двигателей и анализа магнитного поля методом конечных элементов.

Литература:

1. Матраков, И. М. Техника на магнитные измерения / И. М. Матраков, Д. Русев, Ж. Костов // Техника. – София, 1985;
2. <http://www.tek.com/>
3. Jiles, D. Introduction to Magnetism and Magnetic Materials, Chapman and Hall. – London; New York 1991.
4. Jowett, P.T., D.I. Macinnes, Computerized magnetic test and evaluation of hysteretic materials, Industry Applications Society Annual Meeting, 1989., Conference Record of the 1989 IEEE. – Vol.1. – P. 285-288.

Шалаева А.В.,
СПбГУ, Санкт-Петербург
ПГТУ, Йошкар-Ола

ФЕНОМЕН МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Shalaeva A.V.,
St.Petersburg State University, St.-Petersburg
PSTU, Yoshkar-Ola

THE PHENOMENON OF MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS: SPATIO-TEMPORAL DIMENSION

The resume. In the article the phenomenon of mythological spatio-temporal determinacy of the consciousness is investigated. Mythological consciousness is considered not as a rudiment of the primitive society, but as a consciousness' phenomenon, which modern consciousness also manifest. Such characteristics of the mythological consciousness as locality and spatialness, temporality and timelessness, unity of sacred and profane, topological continuity are described.

Уже очень много сказано и продолжает говориться (особенно активно этот процесс начинается примерно с середины XX в.) об уже давно растущей и внушительно стоящей перед современным обществом проблеме опасной несостоятельности классической математической науки и наук прочих, по ее выдающемуся образцу построенных, в том числе и философии, объяснить сложность ситуаций и задач, с которыми имеет дело современный человек, общество, сознание и мышление. Эта ситуация настолько активно эксплуатируется во всевозможных дискурсах, что уже стала общим местом и открыто апеллировать к ней в построении основания для какого-либо размышления - практически признак дурного тона. Однако ситуация эта очевидно имеет место, а кроме него и активные попытки переменить ее, или по меньшей мере каким-то образом в ней комфортно ли, осознанно ли обосноваться. Об этом свидетельствует не только возросший объем научной и популярной литературы по этой теме (новых междисциплинарных исследований в открывающихся научных областях, в частности, теория цивилизационного макросдвига, теория сложных саморазвивающихся систем, исследования в области нано-технологий, теории сложности, геоспациализма и др.), количество и тематика проводимых конгрессов, симпозиумов, конференций, семинаров и прочих общественных мероприятий, но и повсеместно собирающие приверженцев новые (точнее, возрождающиеся хорошо забытые старые, в том числе и мифологические) духовно-телесные практики врачевания сознания от недугов, связанных с изменившимся качеством социальных и личностных потрясений (медитация, йога, контактная импровизация и пр.).

Все это так, тем не менее, считать, что подобного рода подход уникальным образом формируется лишь в современности – значит отказывать сознанию в его подлинном вневременном и внепространственном значении. Потому наше размышление не единственно злободневно, но является именно философским, поскольку стремится за явлением современности этого процесса увидеть его

суть, правду, пережить истину и выразить ее логически. О предмете это сказывается таким образом, что такого рода проблема несвязности мира в иных формах и условиях бытовала от начала самосознания человека, и тогда уже имела первоначальный способ разрешения – миф в специфически переживаемом мифологическом пространстве, неотделимом от времени. Вместе с внепространственностью и вневременностью (в отличие от физико-математического понимания пространства и времени) мифологического отношения, проблема сложности и разорванности мира как таковая всегда стояла перед сознанием и решалась с учетом конкретных обстоятельств, значимых именно здесь и теперь.

Интерес к мифологии в исследовании современных проблем несобранности и разорванности мира и практик его осмысления коренится в особенном отношении мифологии и пространства, в необходимости введения специфического понятия пространства. Тогда как время, стремительно ускоряясь, объединяет множество происходящих событий и осознаний, пространство – и расширяясь и сужаясь, и объединяет и разъединяет их одновременно. С одной стороны, количественная совокупность разнородного, происходящего в пространстве и привязанного к времени – эмпирически реальна, а с другой – эта реальность всякий раз специфична, онтологически дифференцирована в зависимости от качественной определенности пространства и способа ее переживания.

Характер мифологического сознания. Коль скоро еще исследователи XX в. утвердили себя и нас в том, что миф не есть пережиток и рудимент первобытных обществ, но есть неотъемлемое основание и элемент всякого общества, рефлексия мифологического оказывается трансвременной и транспространственной. Наряду с существованием пространства математического, физического, социального, психологического можно выделить и мифологическое пространство.

Миф – определенный способ речи, которая и есть бытие, неотделимое от собственного мира бытие, пребывание, целиком ощущаемый процесс, осваиваемого изнутри, без внешней точки рассматривания, на это указывает А.В. Ахутин. В этом отношении наиболее яркий пример мифотворчества мы можем наблюдать в современных нам политических дискуссиях, где уверенность в сообщаемом настолько велика, что оно, будучи сказанным, не подвергается сомнению извне, с рефлексивной точки зрения. Мифологическая речь доступна нам сегодня настолько, насколько мы можем оказаться в позиции такого говорения – в собственном акте утверждающего все бытие сразу, внутренне непротиворечивым для себя образом; насколько мы можем настроиться на двуединство сакрального и профанного пространства и времени; насколько мы можем оказаться в контексте пересечения диахронического и синхронического отношения, а также тождества, синхронии и единственности разнородных вещей и событий, принадлежащих к различным эпохам и пространствам; насколько мы можем обнаружить себя в преимущественно качественном (но не гомогенном и линейном) определении пространства и времени и увидеть возможность слияния их в единую пространственно-временную точку «здесь и теперь».

Мифологическое пространство – особенное бытие, которое переживается целиком изнутри и есть бытие-пребывание, из него невозможно выйти, поскольку вопроса о выходе вообще не стоит, по отношению к нему нет внешней точки наблюдения. Именно по этой причине так сложно осуществлять рефлексию над мифом. Хотя мифическое – в своей основе типичное, образцовое, изначальная вневременная форма жизни, в мифологическом пространстве легко находится, пребывать, но рефлексировать над ним как над специфическим

переживанием пространства, присущем любому человеческому времени, в том числе и нынешнему – путь тернистый.

Мифологическое пространство в двуединстве сакрального и профанного. Особенность мифологического пространства состоит в том, что оно (как говорит К. Хюбнер в «Истине мифа», М. Элиаде в «Аспектах мифа» и «Священном и мирском», А.Я. Гуревич в «Категориях средневековой культуры» и др. исследователи) как пространство сакральное (священное) сосуществует с пространством профанным (мирским). События сакральные, вневременные и внепространственные вклиниваются в преходящее и локализованное профанное существование. В последнем все идет своим чередом: рождающая жизнь неизбежно сменяется разрушающей смертью, посевы – сбором урожая, ночь – днем, старое сменяет новое, болезни разрушают плоть, а дождь и солнце питают землю и т. д. При этом в естественный и понятный ритм жизни вклиниваются события, чьи пространство и время чужды этому ритму. Стоит отметить, что в такой картине мира действительным значением, существенностью и реальностью характеризуется лишь то, что отмечено сакральным (священным), а сакральным отмечено лишь то, что происходит из акта творения, из исходного первоначала, сопричастное ему⁵⁹. В этом отношении профанное (мирское) свободно поддается возведению к первоначальной сфере сакрального. Другое дело – что все в той или иной мере поддается возведению к сакральному первоначалу, потому такой профанный мир зацикливается в своей принадлежности к сакральному. Этот момент мифологического сознания непосредственным образом относится к ритуалу, поскольку именно в его прерогативе бытует процесс восстановления утрачиваемого первоначального сакрального единства мира.

Этнографические доказательства из изучения мышления «примитивных людей» этому можно найти в работах Л. Леви-Брюля («Первобытная мифология», «Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении» и др.), который считал, что необходимо рассматривать мифы в их среде и исходя исключительно из их среды, что позволило бы объяснить очевидные несогласованности и противоречия в них.

Прекрасный художественный пример специфического соотношения сакрального и профанного в мифологическом сознании мы найдем в романе Т. Манна «Иосиф и его братья». Здесь сам роман внутренне мифологичен, это роман-миф. В нем вместе с индивидуальным на передний план выходит типичное, вечно человеческое, вечно повторяющееся, вневременное, короче говоря – область мифического⁶⁰. Поскольку типическое, изображаемое в мифе – «это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предназначенные ей приметы»⁶¹. Именно такое отношение, при котором можно в личном усмотреть типическое, изначальное, позволяет говорить об общечеловеческом, о человеческом вообще. Вот как автор ведет повествование о жизни Иосифа (выросшее из библейской легенды об Иосифе Египетском): «не придерживаясь естественной хронологии, то пред-

⁵⁹ См.: Топоров В.Н. О ритуале: Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Сост. Рожанский Л.Ш. – М.: Наука, 1998. – С. 13.

⁶⁰ Манн Т. Иосиф и его братья. Доклад // Иосиф и его братья. Том второй. – М.: Правда, 1987. С. 704.

⁶¹ Там же.

восхищая последующее, то возвращаясь к предыдущему, повествовал я о событиях его жизни и находил своеобразную прелесть в новизне общения с людьми, которые еще как следует не знали, кто они такие, или же судили о себе более скромно и смиренно, но зато глубже и вернее, чем современный индивид, с людьми, не опиравшимися на опыт себе подобных, не имевшими корней в прошлом и в то же время бывшими его частицей, отождествляющими себя с ним и шедшими по следам прошлого, которое вновь оживало в них»⁶². Именно такого рода повествование разворачивается в романе, в нем очевидна связь диахронического (рассказа о прошлом в его явной или неявной связи с настоящим) и синхронического (средства объяснения настоящего, а иногда и будущего) аспектов мифологического предания, то есть ситуация развертывания изначально-го события, прецедента в новые условия бытия. Такая неразрывная двуединая связь диахронии и синхронии как раз и является неотъемлемым элементом мифологических представлений о мире, «прочтения» мифа или истолкования ритуала. Истолкование это требует знания «правил соотнесения прецедента с данным актуальным событием», или, иначе говоря, умения определить, «образом чего является данное событие»⁶³.

Так, мифологическое вплетается в профанное (мирское), иначе говоря, количественно измеримое пространство во времени и соотносит его с вневременным и внепространственным изначальным событием, или даже чередой событий: будь то в ритуале, вызывающем предков и обучающем животного, чей образ применяет на себя один из членов племени, правильному поведению при охоте на него («прелогичность» первобытного мышления отмечает Л. Леви-Брюль), либо в рассказывании мифов (об иной и особой логике мифа, реализующейся в мире «имагинативного абсолюта» говорит Я.Э. Голосовкер). «В мифе все условно безусловно, гипотетическое категорично, а безусловность условна»⁶⁴. Речь здесь идет об особенном принципе тождества «макрокосма и микрокосма, мира и человека. Человек как таковой – один из крайних ипостасных элементов космологической схемы, ее завершение и одновременно начало нового ряда, уже не уместяющегося в космологические рамки. Состав человека, его плоть в конечном счете восходят к космической материи, которая, "оплотнившись", легла в основу стихий и природных объектов (например, элементов ландшафта)»⁶⁵. Говоря о ритуалах, тайных церемониях и плясках, Л. Леви-Брюль отмечает специфичность слова «представлять», когда участники представляют собой нечто (духов, героев, животных и др.), в том, что оно понимается в самом буквальном смысле, в каком могли его понимать первобытные люди: «представлять, т. е. снова ставить перед нами, вызывать снова появление того, что исчезло»⁶⁶. Действующие лица церемоний и плясуны не просто изображают этих покойников и предков, но и реально суть эти покойники и предки. Такого рода тождество Л. Леви-Брюль называет «сопричастием». «Первобытное мышление не привычно к представлению "как если бы". ... То, что мы называем

⁶² Там же. С. 707.

⁶³ См.: Топоров В.Н. О ритуале: Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Сост. Рожанский Л.Ш. М.: Наука, 1998. С. 11.

⁶⁴ Метелинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 142.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. М.: КРАСАНД, 2010. С. 125.

сходством, есть для первобытного человека единосущие. Точно так же и символ, в силу сопричастия, реально есть то существо или тот предмет, которое он представляет»⁶⁷. Таким образом, целью ритуалов первобытных людей является не старание умилостивить невидимые силы, им это не нужно, поскольку они имеют возможность сливаться с ними воедино в сопричастии. В таком сопричастии первобытный человек может «научить» животное, на которое он охотится не сопротивляться, а предку – показать свою привязанность, расположить к себе и попросить то, что им требуется.

Непрерывность топологии и временность. Казалось бы, топологический анализ нацеливает на локальность и зависимость от места всякого сознания, однако, топологический – не просто тот, что исходит из пространства и зависит от него, определяется им, но тот, что дает понятие о принципиальной пространственности сознания, указывающий на ее онтологическую и гносеологическую структуру. Онтология и гносеология могут соединиться тогда, когда для вещи, или события совпадают модусы «быть X» и «быть описанием этого X».

Топология начинала свое развитие как развитие геометрии. В настоящее время топология отделилась от нее. Топология – раздел математики, который «изучает те свойства геометрических объектов, которые сохраняются при непрерывных преобразованиях. Непрерывные преобразования характеризуются тем, что точки, расположенные «близко одна к другой» до преобразования остаются такими и после того, как преобразование закончено»⁶⁸.

В топологии, выделяется топологическое пространство в отличие от метрического пространства. Метрическое пространство – такое множество объектов (или точек), на котором введена метрика (то есть, заданы размеры, углы и др. свойства четырехмерного пространства-времени). Топологические свойства интуитивно можно представить себе как геометрические фигуры, чьи свойства не исчерпываются сведениями об их «метрических» свойствах, такие пространства могут состоять из элементов любой природы. «Математически это – множества (иногда – подмножества евклидова пространства), наделенные дополнительной структурой под названием *топология*, которая позволяет формализовать понятие непрерывности»⁶⁹.

Несмотря на то, что топология является институционализированным разделом математики, но не гуманитарных наук, гуманитарии в целом и философы в том числе весьма активно (и активность эта имеет свою историю) используют ресурс термина «топология», о чем свидетельствует не только обстоятельная история использования данного термина в гуманитарных исследованиях, описанная В.В. Савчуком⁷⁰, но и сама работа, в которой эта история приведена – «Топологическая рефлексия».

Специфику непрерывности топологического пространства можно объяснить исходя из рассмотрения пространства и времени мифологических (пространство и время мы рассматриваем в соотношении друг с другом, поскольку говоря о живом мире мифологии, невозможно рассматривать его жизненно неделимые атрибуты раздельно друг от друга, как это делают геометры, при-

⁶⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. М.: КРАСАНД, 2010. С. 128.

⁶⁸ Стюарт Я. Топология // Квант. 1992. № 7. С. 14-20. С. 14.

⁶⁹ Стюарт Я. Топология // Квант. 1992. № 7. С. 14-20. С. 15.

⁷⁰ См.: Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 131-266.

держиваясь строгого научного правила анализа частей предмета знания по отдельности). Мифологический взгляд наделяет пространство и время негомогенностью, разнородностью, преобладанием качественного измерения над количественным (это отмечают многие авторы, изучающие аспекты мифологических пространств и времени, в том числе, В.Н. Топоров, К. Хюбнер, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский и др.). Качество мифологического пространства – особого рода, оно определяется ценностью, которая в свою очередь задается близостью к центру мира, то есть такой точке пространства и времени, в которой произошло изначальное событие, акт творения, фундирующий всю мифологическую систему целиком. Пространство и время в мифопоэтике, как отмечает В.Н. Топоров, во-первых, не однородны и не нейтральны, а задаются качеством, которое соотносено пространственно с положением того или иного участка по отношению к центру. Такое пространство противоположно изотопному и гомогенному пространству Ньютона, неизменному, пустому, нуждающемуся в заполнении. Здесь, напротив, каждый предмет пространства не локализован в нем, но и сам есть пространство, которое он перемещает вместе с собой. Во-вторых, пространство и время соотносятся иным, нежели в картине Ньютона образом. Цикличность времени и «круглость» Земли сливаются в единую пространственно-временную точку «здесь и теперь» в критической ситуации, например на стыке Старого и Нового года. Такая цикличность создает особенную ситуацию защищенности, «уютности» мира, знакомого уже бывшего приходящего лишь в новые профанные условия. Это предотвращает ужас перед открытостью, неизведанностью линейных пространства и времени.

Заключительные обобщения. С мифологией исследователи нередко работают как с особым отношением понятий *logos* и *mythos*. Об этом говорит Л. Кулубарцис, когда в трудности понимания, что есть миф среди многочисленных уже имеющих и еще грядущих его определений, приходя к констатации его неуловимости и растворенности во всем, что, как известно, ставит под вопрос само его существование, приходит к выводу: «Мои последние исследования показали, что термин *mythos* означает в греческой архаике вовсе не повествование, а определенный разрешенный способ речи, который производит определенный эффект. Лишь позже термин этот стал применяться к области нарратива, принадлежащего по сути уже режиму *logos*. ... Этот вывод позволил мне выдвинуть идею, что имел место переход не от иррационального *mythos* к рациональному *logos*, а от одного рационального *logos* к другому, тогда как миф означал способ артикуляции этого *logos* для производства какого-либо аффекта, иначе говоря, определенную форму аффективности»⁷¹. Такого рода мифологические, терминологические направления исследования (в том числе отчасти у А.В. Ахутина, Я.Э. Голосовкера, К.Г. Юнга) составляют прекрасные образцы философского дискурса о мифе. Не стоит при этом забывать, что миф – живая и переживаемая действительность, неотделимая от своих пространственно-временных категорий, в том числе ритуальных.

Мифологическое сознание одновременно локализовано и внепространственно, определено во времени и вневременно – различные пространственные и временные определенности высказываются и являются в мифологической речи. В романе Т. Манна «Иосиф и его братья» герои-кочевники отдавались на волю времени, чтобы преодолеть пространство, а иметь дело с местным значило там

⁷¹Ламброс Кулубарцис. Как еще можно осваивать философию античности? // Логос. 2011. № 4. С. 58-59.

иметь дело со всем местом. Хотя жизнь идет в действительности, а не в романе, время и пространство сжимаются и ускоряются с развитием новых технологий, в этих мифологических истинах содержится именно «соль» жизни. Именно врественные преобразования пространства, неощутимо ощущаются во времени качественности и абстрактности, но чувственно осязаемым, уютным.

Возвращаясь к сказанному ранее, стоит указать на значимость исследования именно мифологического пространства для определения места нынешней ситуации в пространстве сменявших друг друга, но, тем не менее, оставшихся на свою долю мифологическими пространств, в которых всякий раз обнаруживает себя человек.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Ахутин А.В. Поворотные времена. – СПб.: Наука, 2005.
3. Ахутин А.В. Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007.
4. Биbihин В.В. Лес. – СПб.: Наука, 2011
5. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010
6. Исаева А.В. Миф в философии Э. Кассирера: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2011.
7. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие: монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
8. Ламброс Кулубарцис. Как еще можно осваивать философию античности? // Логос. – 2011. – № 4. – С. 45-62.
9. Леви-Брюль Л. Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и пауасов. – М.: КРАСАНД, 2010.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. – М.: КРАСАНД, 2010.
11. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008.
13. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. – С. 288.
14. Манн Т. Иосиф и его братья. Доклад // Иосиф и его братья. Т. 2. – М.: Правда, 1987. – С. 702-715.
15. Метелинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976.
16. Положенцев А.М. По лицу бездны: очерк натурфилософии культа. – СПб.: Алетейя, 2007.
17. Пятигорский А.М. Мифологические размышления.: лекции по феноменологии мифа. – М.: Языки русской культуры, 1996.
18. Романенко Ю.М. Онтология мифа: учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
19. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012.
20. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
21. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996.

22. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.Большакова. – М.: Инвест-ППП, СТ «ППП», 1996.
23. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К.Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
24. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг; пер. А.А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004.
25. Baier F.X. Raum: Prolegomena zu einer Architektur des gelebten Raumes; Pamphlet. 22. Köln: König, 2000.
26. Blumenberg H. Work on myth. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England. 2011.

Шерер Вольфганг

Университет Митвайда, Германия

**САКСОНИЯ (ГЕРМАНИЯ): РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Prof. Dr. phil. Wolfgang Scherer

Hochschule Mittweida, Fakultät Soziale Arbeit

Lehrstuhl für Sozialpolitik und Gemeinwesen

**SAXONY (GERMANY): REGIONALSTRUKTUR, SOZIALE LAGE
UND POLITISCHE ASPEKTE**

In Sachsen ist die Nationaldemokratische Partei Deutschlands (NPD) als rechtsradikale Partei relativ stark vertreten; Mitglieder dieser Partei wurden 2009 in den Sächsischen Landtag gewählt. Der Partei droht seit vielen Jahren ein bundesweites Verbot wegen antidemokratischer Ausrichtung.

In den nachfolgenden Untersuchungsschritten unternahme ich den Versuch, mit der Analyse kleinräumiger Daten die Situation in einem Landkreis (Mittelsachsen) sowie auf der Ebene der Gemeinden dieses Landkreises verschiedene Aspekte der demographischen Lage und der sozialpolitischen Komponenten herauszuarbeiten und deren Bedeutung für politische Neigungen bzw. für politische Präferenzen zu ergründen.

Grundlage sind öffentlich zugängliche statistische Daten; tiefere Forschungsschritte würden Sonderauswertungen der Daten der diversen Institutionen erforderlich machen.

Wie nahezu alle Kreise hat auch Mittelsachsen einen erheblichen Bevölkerungsverlust in den letzten 20 Jahren zu verzeichnen.

Dieser Verlust betrifft erst einmal alle Gruppen, die wir in der Gesellschaft finden: Junge, Ältere, Männer, Frauen, Familien, Alleinstehende, Ausbildungssuchende, gar nicht oder gut Ausgebildete, Studierwillige usw. Diesem Sachverhalt haftet nichts Besonderes an; es ist einzig die Wucht und die Konzentration auf vergleichsweise wenige Jahre, die dieser Veränderung eine exzeptionelle Dimension gab - verbunden mit der fundamentalen politischen, ökonomischen und sozialen Umgestaltung der Gesellschaft. Und gleichzeitig gab es einen historisch seltenen extremen Geburtenrückgang in den ersten Jahren nach der Wende.

Während der Freistaat im Zeitraum vom 3.10.1990 (dem bereits nahezu ein Jahr vorausgegangen war, in dem eine rege Ab- und Zuwanderung stattfand) mit 4,8 Millionen zum 31.12.2009 mit nunmehr 4,1 Millionen rund 700.000 Einwohnerinnen verlor, wird für das Jahr 2020 eine Abnahme auf 3,9 Millionen und in einer waghalsigen Prognose für das Jahr 2060 mit 2,9 Millionen verbleibenden Menschen gerechnet.

Mittelsachsen verlor im Zeitraum 3.10.1990 bis 31.12.2009 rund 60.000 Menschen - von 395.731 auf 332.236. Das ist ein Verlust von 16,1 %.

Wie sich diese Entwicklung in den einzelnen Gemeinden darstellt, wird in 2.2 erläutert.

Bei Geburt haben männliche Nachkommen einen höheren Anteil als weibliche, das Verhältnis beträgt 51,3 % zu 48,7 %. Diese biologische ungleiche Verteilung, die eine (glücklicherweise nur noch geringe) Sterberate (2,6 Promille im Jahr 2008) von männlichen Kindern bis zum 3. Lebensjahr ausgleichen soll, findet sich in allen Altersgruppen von Kindern und Jugendlichen wieder. Sie ändert sich erst ab etwa dem 18. Lebensjahr, wenn nach Abschluss der schulischen Ausbildung der Eintritt ins Berufsleben oder der Beginn eines Studiums erfolgt. Mit dieser Etappe in die Selbständigkeit findet in vielen Fällen eine weitergehende Loslösung vom Elternhaus statt, der häufig auch mit einem Ortswechsel verbunden ist. Dieser Verselbständigungsprozess findet im Prinzip bei beiden Geschlechtern statt, allerdings ist er bei jungen Frauen etwas ausgeprägter. Soweit die jungen Menschen Sachsen bzw. Ostdeutschland verlassen, fallen sie unter die Rubrik „Bevölkerungsverlust durch Wanderung“. Auffällig ist, dass von jenen, die Sachsen ganz verlassen, ein gewisser Prozentsatz nach Ausbildung und gegebenenfalls den ersten Berufsjahren oder nach Abschluss des Studiums wieder nach Sachsen zurückkehren - und zwar vorrangig die männlichen Abwanderer. Folglich ergibt sich über die verschiedenen Altersgruppen hinweg ein höherer Anteil von Männern, als dies der Geburten-Verteilung entspräche. In Mittelsachsen ist das Ungleichgewicht höher als im sächsischen Durchschnitt.

Mit dem Übergewicht von Männern besteht die Gefahr, dass männliche Verhaltensweisen, Kommunikationsstrukturen u.ä. ohne weibliches Korrektiv bleiben; das insoweit stereotype Männerbilder sich verfestigen und ein Konkurrenzkampf um knappe Ressourcen (in diesem Fall die geringere Anzahl von Frauen) viele Bereiche des öffentlichen und privaten Lebens bestimmen. Inwieweit hier auch Rechtsextreme Ansichten und Verhaltensweisen gefördert werden, die ja bestimmte Männlichkeitsbilder idealisieren und inwieweit Ausländerfeindlichkeit als Bedrohung im Kampf um Frauen interpretiert werden kann oder muss, kann an dieser Stelle nur hinweisenden Charakter haben.

Entsprechende Daten für die einzelnen Gemeinden im Landkreis Mittelsachsen bedürften einer Extra-Auswertung durch das Statistische Landesamt. Entsprechende Ergebnisse können bei Bedarf nachgereicht werden.

Bei den Bruttolöhnen und -gehältern je Arbeitnehmerin im Jahr 2008 lagen die Beschäftigten aus dem Landkreis Mittelsachsen im oberen Bereich der Landkreise und etwas über dem

Durchschnitt aller Einkommen in den Landkreisen. Die Einkommen werden dem Arbeitsort zugerechnet.